

Россия и концепции Северной Европы

Наталья Маркушина

Значительные изменения, затронувшие политическую карту мира после распада Советского Союза, по-прежнему сохраняют свою актуальность. Ключевым остается вопрос о геополитической принадлежности стран, бывших заложниками биполярной системы, а также внешнеполитической стратегии России.

Россия искала свое место в мире и надежных партнеров. Поиски привели на Север Европы. Во внешнеполитической стратегии Российской Федерации Север стал рассматриваться как важный и приоритетный регион, входивший на протяжении значительного времени в сферу ее непосредственных геополитических и геоэкономических интересов.

В 2006 г. в Обзоре внешней политики Российской Федерации, подготовленном МИД России, были зафиксированы итоги северной политики. Они гласили, что «отношения России со странами Северной Европы в целом имеют стабильный характер, хотя развиваются с различной степенью интенсивности»¹.

Одним из составляющих успеха в северном векторе российской политики оказалась трансформация концептуальных идей политики Северной Европы. Пропуском в достаточно закрытый Северный регион для России стало появление концептуального понятия «Новый Север Европы». Это был отход от геополитической концепции, согласно которой странами Северной Европы считались пять стран – Норве-

гия, Швеция, Финляндия, Дания и Исландия.

Революционным предложением стала идея советника Министерства иностранных дел Финляндии Кари Мотгола по-новому взглянуть на географический состав Северной Европы. Отныне этот геополитический регион, включал в себя, помимо традиционной пятерки стран, «новые государства» Балтии (Эстония, Латвия, Литва), Северо-Запад

МАРКУШИНА Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, докторант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: nat-markushina@yandex.ru

Ключевые слова: концепция «Нового Севера», «Северное измерение», северная модель, «Северный баланс», северная идентичность, «Новый Север Европы».

России, а также институционально Польшу и Северную Германию².

Представитель Копенгагенской школы, датский исследователь Вэвер Оли, также указывал на необходимость включать в Северный регион независимые государства Балтии, а также Северо-Запад России³.

Подтверждения данной геополитической трактовки можно встретить и у российских исследователей.

Так, Ю.Дерябин, соглашаясь с К.Моттопой, предлагает именовать регион «Новой Северной Европой»⁴.

Изменения геополитического пространства можно было назвать быстрым ответом на вызовы и угрозы современных реалий, появившихся после распада СССР. Следует отметить и стратегический интерес северных стран к расширению своей сферы влияния на страны Балтии.

В желании усилить свою роль на международной арене страны Северной Европы, по мнению российского исследователя К. Воронова, «получили страны Балтии в качестве своей периферии, которая требует постоянной политической заботы и дипломатической поддержки, значительной экономической помощи и потока инвестиций, гуманитарных поставок и т. д.»⁵

Нельзя сказать, что с подобной ролью готовы были смириться Эстония, Латвия и Литва.

Для Европы отождествление этих государств с Севером было важно еще и потому, что наличие крепкой региональной идентичности у прибалтийских и скандинавских стран, по мнению исследователя К. Паулаускас, весьма спорно. Но представители северных государств надеялись, что субрегиональные идентичности, как внутри скандинавских стран (например, северная идентичность), так и балтийских государств (как пример приводилось и лингвистическая близость Эстонии и Финляндии), по понятным геополитическим причинам сильнее и приведет к «новому» северно-

му союзу. На повестке дня был главный вопрос – будет ли прилагательное «северная» указывать лишь на географические особенности феномена, или будет предполагать культурное, политическое и социальное измерения, в том числе и в области безопасности?

С трансформацией политики стран Северной Европы для России открывались двери «клуба по интересам». Такую региональную открытость можно было назвать европейской сенсацией, поскольку сами геополитические условия долгое время диктовали северным странам обратное. Если строго подходить к вопросу, то с географической и геополитической точки зрения большинство стран из пятерки, бесспорно, принадлежат к Балтийскому региону. В то же самое время не вызывает сомнения, что они расположены в северной части Европы. Однако в XX столетии, три скандинавские страны – Дания, Норвегия и Швеция – склонялись преуменьшать значение Балтии и европейского компонента при определении своей национальной идентификации.

Согласно мнению исследователя Уффе Остергард, «многие скандинавы, как социал-демократы, так либералы, чувствовали себя “скандинавами”, полагая, что их политическая культура, социальная структура и менталитет существенно отличаются от остальной части Европы. Признак подобного отношения – использование термина “Norden” (Скандинавия) вместо “Northern Europe” (Северная Европа)»⁷.

Трансформация геополитических концепций была поистине новаторским событием, так как речь шла в том числе и об изменении достаточно сильной политической традиции, согласно которой регион Северной Европы внутренне был скреплен ощущением общей идентичности. В настоящее время на повестке дня стоит вопрос, от решения которого зависит, будут ли реализованы интересы и планы России на Севере. Вопрос следу-

ющий: пойдут ли традиционные Северные страны на создание единой конфедерации северных стран или будут представлены полностью независимыми национальными государствами, не связанными между собою особыми условиями?

Истоки подобных сомнений заложены в исторической традиции, которая по сей день оказывает влияние на появление ряда идей, посвященных союзу североευропейских государств.

Не следует забывать о Кальмарской унии, которая объединяла Данию, Швецию, Финляндию, Норвегию, Исландию с 1397–1523 гг.⁸ Важно и то, что Дания, Литва и Швеция были независимыми государствами в Средние века и Новое время, в то время как Норвегия, Финляндия и Латвия всю свою историю боролись за национальную идентичность и независимость. К настоящему времени лишь Дания и Швеция могут похвастаться устойчивой историей государственности. Норвегия, Финляндия и Исландия, к примеру, окончательно обрели независимость лишь в первой половине XX в. Тем не менее пятерке стран удалось договориться о сотрудничестве и создать в 1952 г. Северный совет.

Несомненно, Кальмарская уния и Северный совет оказали влияние на формирование политических, экономических и социокультурных аспектов сотрудничества с долгосрочными перспективами. Этому способствовало и особое геополитическое положение стран в северной части Европейского континента, которое предопределило историческую изолированность их от основных как европейских, так и общемировых логистических и транспортных коридоров. Обширные водные бассейны: Балтийское море, омывающее Скандинавский полуостров с юга и востока, Баренцево море и Северный Ледовитый океан, создающие с севера практически непро-

бываемую ледяную защиту с узкими, подконтрольными Норвегии морскими транспортными коридорами для прохода судов в российские незамерзающие порты Мурманск и Архангельск, а также Норвежское и Северное моря с запада еще более закрепляют геополитическую изолированность. Все это не могло не повлиять на формирование концепции «Северного единства» и «Северной общности»⁹.

Если говорить о периоде до Второй мировой войны, то концепция «Северная общность»⁹ ассоциировалась, в первую очередь, со стремлением к нейтралитету. Но если в Первую мировую войну эту тактику удавалось сохранить, то во Вторую мировую войну эта стратегия не сработала и привела страны к разобщению во внешней политике.

Геополитическое положение Финляндии было использовано Германией в качестве плацдарма против СССР.

Швеции удалось сохранить лишь видимость формального нейтралитета. При этом во время войны Швеция и Германия поддерживали экономическое сотрудничество, в частности в области поставки железной руды. Для Германии это внешнеэкономическое направление носило стратегический характер.

9 апреля 1940 г. была оккупирована Дания, хотя военных действий как таковых на территории страны не было. Та же судьба постигла Норвегию 9–10 июня 1940 г.

Но именно в годы Второй мировой войны начинает отсчет идея северного регионализма.

Согласно исследователю О.В. Заречкой, можно назвать следующие причины зарождения указанной концепции:

- рост стратегической роли арктических территорий;
- крах предвоенной политической стратегии;
- усиление мировой экспансии США;

– появление необходимости разработки новой внешнеполитической линии, связанной с положением между двумя супердержавами¹⁰.

После поражения Германии северные страны, по их мнению, оказались перед советской угрозой. Однако прогнозы не оправдались, и ситуация в регионе осталась спокойной, хотя страны Северной Европы и должны были отказаться от создания Северного альянса, который защищал бы их интересы при условии общего нейтралитета¹⁰.

Зависимость от ситуации извне делала невозможным альянс на том этапе, хотя и началось политическое и экономическое сближение. Только Финляндия, даже сохранив политическую независимость, во многом попала в сферу влияния СССР. Швеция, несмотря на хоть и относительную, но близость российских границ, тем не менее сохраняла свой нейтралитет и неясную антисоветскую политику¹¹. Норвегия избавилась от немецкой оккупации и до вступления в НАТО ничем не выделялась на международной арене⁸.

В сложной послевоенной международной обстановке перед государствами Северной Европы все-таки не мог не встать вопрос: на каких путях искать наилучшие гарантии обеспечения национальной безопасности, как не допустить втягивания всего региона в сферу сложных конфликтов.

Послевоенные противоборствующие тенденции в политическом мышлении, в практической политике наглядно показывают принципиальные различия внешнеполитической ориентации северных стран.

Общие интересы, культура, экономика и современные средства коммуникации по-прежнему связывали Север Европы прочнее, чем когда бы то ни было, но и привели к возникновению новых вопросов.

Экономическую и социополитическую жизнь северных стран объединяет стремление к всеобщему благосостоянию и введению в жизнь североευропейской модели¹².

Можно было также утверждать, что постепенно формируется принцип лояльной взаимозависимости стран, основанной на демократических принципах.

Политической послевоенной победой США можно было считать присоединение к блоку НАТО трех из пяти стран. В основу внешнеполитических концепций Норвегии, Дании и Исландии лег атлантический тезис о том, что только тесное военно-политическое сотрудничество с ведущими державами Запада на блоковой основе способно гарантировать безопасность этих стран. В 1949 г. Норвегия, Дания и Исландия стали членами НАТО.

Швеция проводила политику нейтралитета. Сложнее ситуация обстояла с Финляндией. Многие исследователи склонны причислить Финляндию к нейтральным государствам, тем не менее необходимо отметить, что в годы противостояния НАТО и ОВД та придерживалась скорее просоветской направленности своей внешнеполитической доктрины, что оказалось отраженным в подписании Договора о дружбе, а также проведении линии Паасикиви–Кекконена¹³.

В послевоенный период формируется концепция «Северного сотрудничества». 23 марта 1962 г. было подписано Хельсинское соглашение о сотрудничестве между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией. Главной целью провозглашалась некая унификация в различных формах взаимодействия стран. Сами страны Северной Европы назвали Хельсинское соглашение «политическим манифестом, программным заявлением стран Севера»¹⁴.

Все это демонстрировало, что страны понимают свою геополитическую взаимозависимость, несмотря на раз-

ные векторы внешней политики. Это привело к появлению на Севере Европы теории северного баланса, которая давала надежду на перспективы тесного сотрудничества государств, поскольку столь разная внешнеполитическая ориентация позволяла им уравновешивать друг друга.

Прерывание существования Советского Союза привело к изменению рамок многих геополитических регионов. Северная Европа как район, находившийся, по сути, в зоне стратегического интереса сразу двух полюсов, должен был отреагировать на новую реальность, что не могло не отразиться на вопросах безопасности и концептуальном обосновании стратегии региона.

После распада СССР идея баланса сохранялась, хотя северные государства понимали, что нужно было менять ее содержание. Расширение ЕС в Северной Европе и вхождение в его состав Финляндии и Швеции (1995 г.) ввели вопрос о новой концепции приграничного и регионального сотрудничества в сферу компетенции ЕС¹⁵. Хотя по-прежнему сохранялась суть равновесия. Если Исландия, Норвегия, Дания достаточно долгое время входят в систему Североатлантического блока с его взглядами на вопросы европейской безопасности, то Швеция, даже вступив в Европейский союз, продолжает придерживаться нейтральной позиции по ключевым вопросам безопасности, а Финляндия вновь избрала путь сотрудничества с Россией через идею «Северного измерения».

Само вступление в Европейский союз для Финляндии было, с одной стороны, и ожидаемым событием, а с другой – финское правительство ожидало встретить и ряд европейских вызовов.

По словам профессора Е. Антола, Финляндия вступила в ЕС, поглощенного процессом одновременного «углубления» и «расширения»¹⁵.

Подобная ситуация открывала перед страной две возможности: остаться периферийным государством на обочине огромного образования либо сыграть на яркой инициативе, которая бы сделала ее центром европейского проекта. Неудивительно, что страна очень быстро определилась с выбором и партнерами. Финляндия хотела повторить успех 70-х годов XX в., когда Хельсинки стали площадкой для Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Лидеры двух блоков предпочитали встречаться в Хельсинки или Рейкьявике, дабы обсудить разоружение, контроль над вооружениями или создание атмосферы доверия между СССР и США.

Финляндия решила вновь свести две величины, на этот раз Российскую Федерацию и ЕС. Вспомнили и понятие «измерение», которое появилось в дипломатическом обороте, как раз в момент сложного процесса формирования СБСЕ/ОБСЕ (конец 80-х годов XX в.). На первый план выходило понятие «человеческое измерение», которое базировалось на основных общечеловеческих ценностях¹⁶.

В 1994 г. эта позиция обрела более четкие очертания в предложенной идее премьер-министра Эско Ахо и министра иностранных дел Хейки Хависто. Они стали использовать термин «северное измерение», который обозначал универсальные северные ценности: «общественное благосостояние, равенство, открытость и жесткое экологическое регулирование»¹⁷.

После вступления в ЕС эта идея трансформировалась уже в полноценный проект, став «Северным измерением ЕС». Важным элементом «Северного измерения» было и то, что геополитически он подводил концепцию «Северного баланса» к более открытой форме сотрудничества в рамках региона «Нового

Севера». Важным поворотом в проекте «Северное измерение» стало подписание рамочного документа и политической декларации (24 ноября 2006 г., Хельсинки¹⁸) представителями России и Европейского союза. Документ вступил в силу 1 января 2007 г. В обновленной концепции «Северного измерения» предполагалось равное партнерство между Россией, Норвегией и Исландией, Европейским союзом, в который также входят Швеция, Финляндия, Польша и страны Балтии.

Несомненно, что рассмотренные концепции культивируют идеи Северной Европы как региона, открытого для перспективного сотрудничества с Россией. Однако следует говорить и об интеграционных идеях для традиционной «северной пятерки» как альтернативном пути Северной Европы.

В книге «Объединенная федерация северных стран» профессор Гуннар Веттерберг предлагает возродить Кальмарскую унию. Он говорит о том, что союз государств должен быть построен по модели Швейцарии с общей политикой по вопросам внешней политики, безопасности и экономики¹⁹.

Возможно, идея не совсем утопична.

Центр *Oxford Research* провел социологические исследования, посвященные северному сотрудничеству.

78% жителей северных стран относятся позитивно либо очень позитивно к политическому сотрудничеству своих государств.

56% выступают за углубление сотрудничества²⁰.

Надо признать, что это не единственные попытки предложить интеграционную теорию. Сам профессор Веттерберг признает, что на идею Северной федерации его вдохновил в том числе и доклад 2009 г. о североевропейском сотрудничестве в области обороны и внешней политики Турвала Столтенберга¹⁹.

Бывший министр иностранных дел предложил проект тесного сотрудниче-

ства между Норвегией, Швецией, Финляндией, Данией и Исландией в 13 оборонных областях, среди которых были названы и создание морских сил реагирования²¹, и мониторинг воздушного пространства Исландии, и морей региона, а также создание объединенной морской береговой охраны и использование военных сил для иностранных операций¹⁹.

Возвращаясь к концепции «Северного баланса», можно говорить, что с некоторыми нюансами данная концепция сохраняет свою актуальность и сегодня. Окончание противостояния между Востоком и Западом поставило перед европейскими государствами вопрос определения национальных интересов, которые осложнялись противоречивым характером взаимоотношений большинства европейских стран между собой, а также стремлением США доминировать в обновленном политическом пространстве Европы.

Однако анализ собственного потенциала в последнее время и несовпадение с позицией по вопросам безопасности с США привели европейские страны к поискам собственного пути, который сводится к необходимости выступать в мировой политике единым фронтом. При этом северные страны превращаются в действующего актора международных отношений, и в этом им может помочь концепция «Новый Север».

Концепция «Новый Север» президента Исландии Олафура Гримссона впервые была представлена в 2003 г. По мнению России, именно она включает в себя необходимые составляющие, которые помогли бы Российской Федерации (при активной поддержке идеи) занять лидирующие позиции на Европейском Севере. В свою очередь, через северное сотрудничество Россия может сделать серьезную заявку на междуна-

родной арене. Концепция закрепляла также и идеи понятия «Новый Север Европы». В целом концепцию можно свести к трем основным моментам:

– во-первых, сотрудничеству в рамках сети северных региональных организаций (Северный совет, Арктический совет, Совет министров северных стран, Совет Баренцева/Евро-Арктического региона, Совет государств Балтийского моря и т. д.);

– во-вторых, поиску общих ценностей, в том числе и принятию основ «мягкой» безопасности в рамках международного сотрудничества;

– в-третьих, региональному взаимодействию с участием российского Северо-Западного региона при проведении политики «Северного измерения».

Концепцию отличает достаточно высокая степень реализма для претворения ее в жизнь. Неудивительно, что на ее почве рождаются новые идеи, правда, не носящие столь практического характера.

В работе профессора Лоуренса Смита «Новый Север. Мир в 2050 году» говорится о том, что в новых геополитических концепциях мировое лидерство будет закреплено за странами «Новый Север», который будет представлен Соединенными Штатами Америки, Канадой, Исландией, Гренландией (Данией), Норвегией, Швецией, Финляндией и

Россией. Как аналог идей Хэлфорда Джона Макиндера *heartland* и Николаса Спайкмена, Лоуренс Смит предлагает новый «Северный Рим» (*Northern Rim* или *NORC countries – NORCs*)²². «Северный Рим» будет базироваться на четырех глобальных силах.

1. Первая глобальная сила – Демография, которая по существу означает подъемы и спады, а также движения различных групп населения внутри человеческой расы. Именно на Севере возможен демографический сдвиг в противовес Востоку, где уже и сейчас живет большая часть населения мира.

2. Вторая глобальная сила – Природные ресурсы, богато представленные именно на северных территориях.

3. Третья глобальная сила – Глобализация. «Большое слово», которое, по мнению автора, охватывает многие вещи, в том числе все возрастающая мировая торговля и потоки капиталов, но также имеющая политическое, культурное и идеологическое измерения.

4. Четвертая глобальная сила – Климатические изменения. С изменением климата (потепление) Северный морской путь станет более доступным для всех стран без исключения²². В результате таяния льдов на Севере будут доступны полезные ископаемые (в основном энергетические ресурсы).

Таким образом, возвращаясь к концепции Гримссона «Новый Север», можно говорить о ней как о стратегии северных стран на международной арене, которая включает ключевые вопросы северной политики. Концепция «Новый Север» может помочь России реализовать свои интересы в регионе. Но помимо этого она завершает на современном этапе трансформацию концепций, на которых основывается политика североευропейских стран и переход от узкой внутренней интеграции к более открытому с участием России геополитическому пространству.

Примечания

¹ Обзор внешней политики Российской Федерации. www.mid.ru

² *Mottola K. Security in Northern Europe – Combining and Reinforcing National, Regional and Wider European Policies // Visions of European Security – Focal Point Sweden and Northern Europe. Olof Palme International Center, 1996. P. 56.*

- ³ *Waever O.* Nordic Nostalgia: Northern Europe after the Cold War // International Affairs. 1992. Vol. 68. P. 96
- ⁴ Северная Европа регион нового развития / под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М.: Весь мир, 2008. С. 10.
- ⁵ *Воронов К.* Россия в Североатлантическом регионе: цена сближения // Международная экономика и международные отношения. 1997. № 7. С. 32.
- ⁶ *Paulauskas K.* Security Dimension of Northern Europe after the Double Enlargement // Baltic Defence Review. 2004. № 11. Vol. 1. P. 107.
- ⁷ *Ostergard U.* The Geopolitics of Nordic Identity – from Composite States¹ to Nation States // The Cultural Construction of Norden. Oslo – Stockholm – Copenhagen – Oxford – Boston: Scandinavian University Press. P. 1.
- ⁸ *Кан А.С.* История скандинавских стран. М., 1980. С. 41, 125.
- ⁹ *Комиссаров Ю.* Безопасность и сотрудничество: опыт европейского севера. М., 1989. С. 128.
- ¹⁰ *Зарецкая О.В.* Зарождение политики северного регионализма в годы Второй мировой войны // Война в Арктике (1939–1945) / под ред. М. Н. Супрун. Архангельск: Поморский госуниверситет, 2001. С. 86, 87.
- ¹¹ *Николаенко Д.В.* Социокультурные миры // Пространственно-временная динамика внешних буферных зон. Т. 2. М., 1998. С. 3213.
- ¹² *Антюшина Н.М.* Факторы, принципы и предпосылки североевропейской модели // Арктическая идея. 2009, апрель. С. 46–47.
- ¹³ *Койвисто М.* Вехи пути: взгляд на внешнюю политику Финляндии. М., 1987. С. 10.
- ¹⁴ *Воронков Л.* Страны Северной Европы, «Северное измерение» и Россия // Аналитические записки. Вып. 1(41). 2009. Февр. С. 4.
- ¹⁵ *Antola E.* The presence of the European Union in the North // Haukkala H.(ed.). Dynamic aspects of the Northern Dimension. Turku: Jean Monnet Unit University of Finland, 1999. P. 120, 2.
- ¹⁶ Россия в «Северном измерении». Интервью главного редактора журнала «Обозреватель-Observer» с Юрием Дерябиным, Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ, Руководителем Центра Северной Европы Института Европы РАН // Обозреватель-Observer. 2000. № 9.
- ¹⁷ *Воронов К.* «Северное измерение»: затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 2. С. 77.
- ¹⁸ *Устинов Н.* Северное измерение Европы и России. <http://www.rosbalt.ru/2007/05/08/295600.html>
- ¹⁹ *Wetterberg G.* The United Nordic Federation. Denmark, 2010. P. 16–17, 37–38.
- ²⁰ Объединенная федерация северных стран // Совет министров северных стран.
- ²¹ *Коньшев В., Сергунин А.* Арктическое направление внешней политики России. Проблемы и перспективы // Обозреватель-Observer № 3. 2011. С. 18.
- ²² *Smith L.C.* The New North. The world in 2050. London, 2010. P. 6–7, 9, 13, 17, 21.